

Ему жал руку великий Роден, а Сталин и Хрущев не жаловали

В шестидесятые годы кинорежиссер Сергей Параджанов подарил известному скульптору, драматургу и кинорежиссеру Ивану Кавалеридзе деревянный топорик с шутливым пожеланием, чтобы это «оружие» помогало ему отбиваться от врагов. На своем подарке он сделал такую надпись: «Гонимому от гонимого»...

Иван Кавалеридзе учился до революции в художественном училище Киева, Петербургской Академии художеств, совершенствовался как скульптор в парижской мастерской знаменитого Аронсона. Ему пожимал руку великий Роден и охотно позировал сам Федор Шаляпин. В двадцать четыре года Кавалеридзе получил первую премию за проект памятника Ольге — княгине Киевской Руси. Превосходный монумент, установленный осенью 1911 года в Киеве, был разобран через шесть лет после октябрьского переворота.

В дореволюционные годы Кавалеридзе начал свою творческую жизнь и в кино, которое, как он решил тогда, родственно скульптуре и позволяет «лепить образ» светом. Позже он скажет, что скульптура — это его жена, а кино — любовница. В 1911 году его приглашают на московскую кинофирму «Тиман и Рейнгардт» в качестве скульптора и художника-оформителя. Среди тринадцати немых фильмов, в создании которых он принимал участие, известные ленты «Ключи счастья», «Война и мир», «Анна Каренина», «Крейцеров соната» и другие. Молодой скульптор сделал из гуммоза удачный портретный грим Л. Толстого артисту В. Шатерникову, игравшему роль великого писателя в картине «Уход великого старца».

В ту пору И. Кавалеридзе был далек от революционных настроений. Однажды в парижской мастерской Аронсона он увидел трех оживленных, хорошо одетых посетителей. Это были Луначарский, Кржижановский и Ленин. Вождь большевиков показался ему «мелким, рыженьким, желчным» человеком, который в своих разговорах слишком легко переходил от одной темы к другой. После февраля 1917 года Кавалеридзе был некоторое время командиром запасного батальона в Царском селе под Петербургом и на него возложили «охрану дворцов и царской семьи».

Вскоре Иван Кавалеридзе уезжает на Украину, где его «мобилизуют» для постройки в Ромнах памятника Т. Шевченко. Теперь многое в его жизни определяется социальным заказом. По поручению председателя ВУЦИКа Г. Петровского он создает в Святогорске памятник большевику Артему (1927 г.). Особое значение в те годы приобрел оригинальный монумент Тараса Шевченко, установленный по проекту Кавалеридзе в городе Сумы в 1926 году. Скульптор реализовал в железобетоне свою идею синтеза архитектуры и скульптуры, стремясь «мыслить плоскостями». Однако автора памятника обвинили в формализме, кубизме, а его произведение было разобрано в 1963 году.

В конце двадцатых годов И. Кавалеридзе появился на Одесской кинофабрике ВУФКУ. Его первая немая картина «Ливень» была сделана рукой уже большого художника. К сожалению, «Ливень» отнесли к формалистическим экспериментам, позже пленка с этой картиной бесследно исчезла. Семнадцать раз Кавалеридзе заставляли переделывать и переписывать сценарий звукового исторического фильма «Колывищина»... Зрителей поразила новая художественная приемка: герои фильма, участники народного восстания в XVIII веке — русские, укра-

инцы, поляки, евреи, — говорили каждый на своем родном языке.

Став режиссером киностудии «Украинфильм» в Киеве, Кавалеридзе с большой любовью работал над картиной «Прометей». Он хотел рассказать о судьбе своего прадеда, «непокорного грузина», насильственно вывезенного с Кавказа в Полтавскую губернию. Картина с успехом шла в Ленинграде целых шесть дней, готовились к премьере в Москве. Кавалеридзе приехал в столицу в феврале 1936 года. К нему в гостиницу «Националь» пришел известный журналист Михаил Кольцов. Он должен был принести гранки рецензии на «Прометей». Но Кольцов выглядел смущенным и подавленным.

— Что случилось, Миша? — с беспокойством спросил Кавалеридзе.

— Гранок не будет, — ответил Кольцов. — В Главном управлении кинематографии заявили, что твой фильм — не пойму почему — не понравился Сталину. Он сказал: «Фильм не показывать, но автора не уничтожать». Он грузин и критику выдержит».

Вскоре режиссер узнал, что в картине обнаружили «покрывщину», формализм, натурализм, национализм...

Кавалеридзе поправил свои дела, поставив «Наталку-Полтавку» и «Запорожец за Дунаем» — две первые советские кинооперы, имевшие успех у кинозрителей. Эти веселые ленты Кавалеридзе снимал с болью в душе: ведь в 1936—1938 годах в разгар сталинских репрессий на Украине и в Москве погибли многие его друзья и коллеги...

Через некоторое время И. Кавалеридзе вместе с А. Корнейчуком приступил было к сценарию фильма «Богдан Хмельницкий». Но обидчивый автор знаменитого «Платона Кречета» так и не довел работу до конца. «До войны», — рассказывал Кавалеридзе, — мы как-то пошли с Корнейчуком в ресторан. Прочтя в меню «Котлеты а-ля Кавалеридзе», драматург спросил у меня: «Это в твою честь?». Уловив в его тоне некоторую зависть, я сказал: «Конечно. Но тебе советую заказать блюдо «Корнейчуки в сметане»...

Весной 1941 года Кавалеридзе начал съемки картины «Песни о Довбуше» в карпатском селе Жабье. После внезапного нападения фашистской Германии на СССР съемочная группа Кавалеридзе попала в руки немцев. Военный чиновник нашел в толстой энциклопедии, изданной в Мюнхене, заметку о Кавалеридзе — скульпторе и режиссере. Это спасло задержанным жизнь, и они добрались до оккупированного Киева. Несколько месяцев Кавалеридзе руководил в Киевской самоуправе отделом культуры, заняв эту должность по требованию местной художественной интеллигенции. Он вызволил из концлагерей десятки советских людей, организовал многим актерам гастроли на периферии — под этим предлогом из Киева выехали те, кого преследовали фашисты.

В 1942 году немецкий предприниматель Тиман предложил Кавалеридзе экранизировать «Тараса Бульбу» и «Бахчисарайский фонтан». «Поставьте эти вещи, будет

миллионером», — обещал он. Другой немец заказал ему пятиметровую статую Аполлона Бельведерского, чтобы установить ее перед резиденцией наместника Эриха Коха. Кавалеридзе, сославшись на занятость, сумел хитроумно отказать от обоих заказов.

Летом к нему домой заявился посетитель — высокий красавец блондин лет сорока в форме немецкого офицера. На его правой руке красовалось золотое кольцо с фашистской свастикой. Назвавшись «паном Коваленко», он повел разговор на хорошем русском языке:

— Я владелец комиссионного магазина. Хочу сделать вам выгодное предложение. Вылепите для нас бюст Гитлера. Представьте себе: бюсты фюрера захотят приобрести многие учреждения и семьи... Уверю вас, ваше положение значительно улучшится.

— Подобные портреты я могу лепить только с натуры, — осторожно ответил Кавалеридзе.

— Я принесу вам прекрасные фотографии.

— Не получите. Могу предложить бюсты Тараса Шевченко. У меня есть посмертная маска.

Офицер долго настаивал, но вдруг успокоился:

— Хорошо, но я все же приобрету одну из ваших работ для своего салона.

«Пан Коваленко» выбрал статуэтку, изображающую Шаляпина в опере «Дон Кихот», расплатившись пачкой оккупационных карбованцев. И исчез из Киева за несколько месяцев до прихода Советской Армии. А в конце 1943 года Кавалеридзе вновь встретился с «паном Коваленко», оказавшимся советским разведчиком. Тот крепко пожал скульптору руку и сказал: «Живите спокойно. Вас не будут беспокоить. Спасибо за Тараса Григорьевича Шевченко».

После войны И. Кавалеридзе создал ряд традиционных памятников. Но ни одного «вождю всех времен и народов», предпочитая рассказывать о нем анекдоты в кругу близких ему людей. Он скептически относился к Хрущеву, Брежнев в его сатирических стихах стал Бредневым, секретаря ЦК КПУ В. Маланчука он называл Паллачуком, всесильного в 40—60-е годы И. Пырьева откровенно считал посредственным режиссером...

За всю свою послевоенную творческую жизнь Иван Кавалеридзе получил возможность поставить лишь две игровые ленты: «Григорий Сковорода» (1958 г.) и «Гулящая» (1961 г.).

В марте 1963 года Хрущев в одном из своих выступлений назвал Кавалеридзе «кубистом», «автором уродливых формалистических памятников» и заявил, что на оккупированной территории он «вел себя недостойным образом». Возмущенный Кавалеридзе направил Н. Хрущеву следующую телеграмму:

«Уважаемый Никита Сергеевич! В своем докладе вы отметили, что я в период оккупации вел себя недостойным образом. Прошу уточнить, что имеете в виду. Преподносил ли я советских людей, грабил ли еврейские квартиры? Своей вины не чувствую. Прошу исправить ошибку».

Целый год после выступления Хрущева о режиссере даже не упоминали в печати. И все же перед Кавалеридзе извинились как в Москве, так и в Киеве. Оказалось, Хрущев прочел непроверенный текст, который ему подsunули партийные чиновники.

В 1969 году 82-летнему скульптору, режиссеру, драматургу было наконец присвоено звание народного артиста УССР. В 1977 году, за год до кончины, Кавалеридзе еще увидел свой монументальный памятник Григорию Сковороде, установленный на Подоле в Киеве.

Аркадий БЕРНШТЕЙН.

На снимках: И. Кавалеридзе, 1962 г.; на съемках «Прометей», 1935 г. (публикуется впервые); скульптура И. Кавалеридзе «Ф. Шаляпин в роли Дон Кихота» (1950 г.).

РЕТРО-КЛУБЪ

